

1 февраля 1983 г. № 14 [5646]

эстрада

◆ От трюка — к образу педагогом ◆ Не только разв.

Выступление мастера оригинального жанра всегда вносит в концерт праздничную, истинно эстрадную интонацию. Жанр этот любим зрителями. Сегодня он представлен многими яркими исполнителями. Однако далеко не

всегда оригинальный жанр подлинно оригинален. С ним связано немало проблем. Сегодня о проблемах эстрадного жанра размышляет режиссер и педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР Сергей Андреевич КАШТЕЛЯН.

ЖАНР? ОРИГИНАЛЬНЫЙ!

— Сергей Андреевич, ваша творческая судьба, как мне кажется, сложилась счастливо. Можно ли сказать, что также счастливо сложилась судьба оригинального жанра?

— Вероятно, безоблачного счастья не бывает. И сегодня на эстраде много трудностей как объективного, так и субъективного свойства. Но если смотреть на судьбу оригинального жанра глазами куда более молодого Каштеляна, то есть все основания порадоваться произошедшим переменам.

Ведь оригинальный жанр долгое время повторял самого себя. И эта повторяемость в темах и приемах исполнения была иногда столь удручающей и очевидной, что потребность в переменах буквально витала в воздухе. К моей радости, эта потребность была осмыслена большой группой режиссеров и артистов.

— Я внимательно следил за вашей творческой практикой и, не боясь преувеличений, могу сказать, что в процессе обновления оригинального жанра вы сыграли весьма заметную роль. Если попытаться суммировать творческие итоги поиска, то они сводятся, как мне думается, к преодолению голого, трюкового техницизма в номере, к поэтизации, одухотворению исполнительства в оригинальном жанре, к несомненному расширению его художественного диапазона. Интересно, соответствует ли это наблюдение вашим «лабораторным», режиссерским намерениям?

— Несомненно. Мне всегда хотелось избавить оригинальный жанр от деспотии голого трюка, исцелить его от привычной, врожденной немoty, сделать таким же говорливым, действенным, публицистичным, как песня или стихи.

При этом хочу оговориться: трюк (так мы называем экцентрическое действие, составляющее техническую основу жанра) неизбежно как выразительное средство. Если хотите, как способ самовыражения артиста. Блестящее, совершенное владение трюком — будь то жонглирование, манипуляция, акробатика, пантомима, вентрология, мнемотехника и так далее, составляет профессиональное условие работы артиста в оригинальном жанре.

Но исполнитель оригинального жанра становится артистом не тогда, когда начинает свободно жонглировать тремя шариками или убедительно имитировать перетягивание каната в пантомиме. Он превращается в артиста, когда трюковое, экцентрическое поведение достигает совершенного, безукоризненного уровня, становится как бы незаметным, естественным выражением художественной, образной идеи.

— Иначе говоря, трюк — это своеобразный текст, который надо не просто прочитать, а прожить?

— Безусловно. Трюк должен «умереть» в номере, в создаваемом образе. Если продолжить начатую мысль, то сущность оригинального жанра заключена в этой тираде: трюк — номер — образ. Природа оригинального жанра состоит как раз в том, чтобы выразить художественную идею, создать полнокровный, впечатляющий образ глубоко индивидуальными, неожиданными, эксцентричными, подчас парадоксальными средствами (отсюда и сам термин — «оригинальный жанр»). Но к постановке оригинального номера я приступаю лишь только после предварительной работы.

На эстраде царствует номер. И это законное «царство»: номер придает поведению артиста композиционную завершенность, формирует своеобраз-

ную эстрадную драматургию — с ее мгновенной экспозицией, неожиданным сюжетным ходом, яркой, впечатляющей кульминацией, позволяет полностью раскрыться индивидуальности артиста.

— В свое время я видел в Москве и в разных городах страны немало эстрадных исполнителей, удручающе неоригинальных в своем личностном качестве. Сейчас положение изменилось к лучшему, но и поныне нередко увидишь на эстраде людей, которые многое умеют, но которым — увы! — нечего сказать зрителю.

— Вы здесь задели исходную для оригинального (да и не только для оригинального) жанра проблему. Оригинальность — в стиле мышления и чувствования, в поведении, в творческих задатках — можно заметить, выявить, культивировать, но оригинальности нельзя научить. Конечно, любой режиссер мечтает о талантливом артисте — ведь мы, как скульпторы, работаем в зависимости от материала, который попадает к нам.

— Вашими учениками стремятся стать многие. Вам приходится работать не только с теми, кто перспективен и одарен, но и с теми, в кого вы просто верите, в ком вы видите хотя бы искру таланта.

— Мой принцип: режиссер на эстраде, в оригинальном жанре непременно должен быть педагогом. В единстве воспитания и творческого руководства, в единстве педагогического воздействия и режиссерского, требовательности видится мне ключ к формированию мастера оригинального жанра. Главным для меня всегда является поиск такого творческого решения, такой характерности в художественном образе, которые бы органично вытекали из своеобразия личности молодого артиста из присущих ему выразительных возможностей, но в то же время были бы подлинно оригинальными, действительно необычными. Это, конечно, очень трудно — ни в чем не повторяя пройденного другими. Но тут уж дело педагога — режиссера, призванного постичь до конца явные и скрытые возможности исполнителя и сообразно с ними строить план номера, создавать эстрадно-сценический характер и репертуар.

И я счастлив, что многие мои ученики — И. Догаева, А. Карпенко, А. Жеромский, Н. Ермаков, Е. Майхровский, С. Власова, О. Школьников, А. Берштейн, Н. и А. Бальмонт, С. Шергородский, Г. Суфимова, Н. Дмитриев (перечень имен я мог бы продолжить) оказались единомышленниками, готовыми перенести все режиссерские «перегрузки» во имя достижения цели. Молодые артисты из Казахстана С. Кабигулина и С. Шакуров, пройдя трудную школу создания номера «Как прекрасен этот мир», удостоены за него высших наград — в Праге, Брюсселе, Париже.

Такой задачи — создать шедевр эстрадного искусства — никто перед собой ставить не может. Но вот стремиться к законченному, подлинно художественному воплощению замысла, к полному выявлению творческого потенциала артистов, к драматургической завершенности и оригинальности репертуара и исполнительской манеры — такую задачу надо решать.

— Должен признаться, что открывшиеся в последнее время возможности оригинального жанра озадачили некоторых зрителей и специалистов. Ведь бытовало мнение, что оригинальный жанр по сути своей развлекателен, что идей-

но-тематические возможности его не очень широки, и он обречен на повторение одних и тех лирических, юмористических и тому подобных коллизий. Ваша практика опровергает это мнение. Но все же: условность жанра, его эксцентрическая природа не входят ли в противоречие с более глубинными содержательными пластами эстрадного искусства, с его открытой гражданственностью и публицистическим пафосом?

— Вопрос этот правомерен. И ответ на него может быть один: в номерах оригинального жанра в полном соответствии с его художественной природой естественны и органичны большие гражданские темы, если, конечно, гражданственное содержание выражено не иллюстративно, а всем образным строем номера. Думая об эстетическом диапазоне оригинального жанра, прихожу к мысли, что критерием его оценки должна стать не только развлекательность (хотя развлекательность, идущая от юмора, бодрости, умной иронии, простодушного озорства, всегда желанная на эстраде), но и яркое сюжетное отображение нашей повседневной жизни, приобщение к острым и важным проблемам современности. Вы не видели номер «Памяти Виктора Хары»? Видели? Думаю, что он в известной мере отвечает на ваш вопрос.

Расширение художественного диапазона оригинального жанра, характерная для него синтетичность, вбирающая в себя и эксцентрики, и музыку, и движение, повлекли за собой примечательное явление: найденные в нем решения обогащают некоторые другие жанры эстрады. И это очень отрадно.

Творчество — это всегда открытие нового. А оригинальный жанр для меня единственная возможность творчества. И когда мне есть, что сказать, я ишу средства, которые наиболее ярко и убедительно донесут мою идею до зрителя. Создать номер очень сложно. Идея его порой вынашивается очень долго. Я, например, на протяжении многих лет хотел сделать номер по «Василию Теркину» А. Твардовского. Но как? Как найти соответствие между такой серьезной идеей, таким образом, символичным, многозначительным и очень специфичными средствами оригинального жанра? Важно найти оригинальный ключ к решению данного номера. И я нашел. Б. Оплетев с успехом исполняет номер «Василий Теркин в бане».

— Заканчивая нашу беседу, хочу вспомнить эпизод из фильма «Веселые ребята». После знаменитой сцены драки грозная комендантша входит в комнату и задает вопрос: «Что тут происходит?» В ответ висящий на люстре музыкант (в этой эпизодической роли снялся молодой Сергей Каштелян) произносит: «Мы репе-пе-тируем». Эта шуточная фраза оказалась для вас совсем не шуточной, а в какой-то мере даже программной. В вашей жизни так естественно соединились музыка и эксцентрика. Так что же теперь происходит? Чем вы заняты?

— Как всегда, много работы. И со студентами в Государственном училище эстрадного и циркового искусства, и по подготовке к Всесоюзному конкурсу артистов эстрады, который состоится в марте.

Совместно с Факри Мустафеевым работаю над сценарием фильма, посвященного искусству оригинального жанра. Его условное название — «Кто висел на люстре».

Беседу вел
Владимир ГОРОХОВ.